

Колдовские

Миры

Елена Малиновская
Милена Завойчинская
Александра Черчень
Наталья Жильцова
Екатерина Рысь
Роман Смеклоф
Пальмира Керлис
Светлана Ушакова
Анна Романова
Ольга Сидоренко
Милослав Князев
Екатерина Флат
Елена Бреус
Мария Дубинина
Дмитрий Козлов
Елена Савченкова
Алина Лис
Виктор Смирнов
Ольга Жакова

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л 93

Составление сборника *С. Грушко, А. Яблокова*

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Л 93 **Любовь** и Магия-2 : сборник фантастических рассказов. — Москва : Эксмо, 2015. — 512 с.

ISBN 978-5-699-78916-0

Верите ли вы в магию? Верите ли вы в любовь? А может быть, они неразрывно связаны?

Авторы этой книги даже не сомневаются, что так оно и есть. Любовь дарит магические крылья, которые поднимают влюбленных к счастью, строит мосты между мирами, делает ожесточенные сердца добрыми, лечит израненные души и возвращает их к жизни. Разве это не волшебство?

Множество прекрасных и ужасных, романтических и страшных историй случается в магической вселенной Любовь. И рассказывают об этом не только уже полюбившиеся читателям Елена Малиновская, Александра Черчень, Милена Завойчинская и Наталья Жильцова, но и победители литературного конкурса «Любовь и Магия-2» от портала «Фан-бук», работы которых могут поспорить по увлекательности с произведениями мастеров жанра фэнтези.

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Бреус Е., Дубинина М., Жакова О., Жильцова Н., Завойчинская М., Керлис П., Князев М., Козлов Д., Лис А., Малиновская Е., Романова А., Рысь Е., Савченкова Е., Сидоренко О., Смеклоф Р., Смирнов В., Ушакова С., Флат Е., Черчень А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78916-0

Малиновская Елена

ПЛЯСУНЬЯ

— **О**сторожнее, Триша! — шамкает беззубый рот. — Осторожнее, не упади!

Не слышит девочка. Танцует босиком на ярко-алых, что твоя свежая кровь, раскаленных углях. Золотом вспыхивают на солнце монетки, которыми вышита ее длинная широкая юбка и просторная рубаша. Золотом горят ее распущенные волосы. А глаза — ярко-голубые, как весеннее небо.

Не остыло еще кострище. То и дело пробуждаются среди пепла крохотные оранжевые огоньки, изгибаются под ветром лепестки пламени, которые потом исходят струйками дыма. Но каждая такая жгучая искра — как иголка в сердце старой Лотты. И острой болью отзываются давно зажившие ожоги на ее огрубевших от возраста ступнях. Впрочем, разве могут такие раны зажить без следа?..

Красива Триша, очень красива. Совсем как ее мать, которая умерла сразу после рождения дочери от молочной лихорадки, погубившей столько женщин. Но успела передать дочери дар плясуньи. Дар, который издавна в бродячем племени ашар идет только по женской линии. Очень редкий дар, и от того особенно ценный.

Старуха Лотта с замиранием сердца следит за внучкой. Если та оступится, если сделает лишь один

неверный шаг — то сгорит в мгновение ока. Богиня огня Астера не терпит небреженья в служении себе. Уничтожит она ту, которая ошиблась при танце.

А Триша не слышит бабуку. Все ускоряет и ускоряет она темп. Вот закружилась, как волчок, вот почти упала на угли, и старая Лотта невольно зажмурилась, чтобы не видеть, как поднимется безжалостное пламя и заберет единственную отраду в ее жизни. Но девочку уже уносит дальше вихрь танца. И Лотта понимает: не услышит Триша ее предостережения, не заметит ее тревоги. В ушах Триши сейчас оглушительно гремит музыка огненной песни, неслышимой остальным. Перед глазами Триши сейчас застыло лицо просящего. Потому как все знают: плясунья из племени ашар может сделать невозможное. За монетку заберет она твое горе и скормит беду всепожирающему огню.

Застыла чуть поодаль от остывающего кострища женщина, уставилась на Тришу и даже не моргает. Молода, в темных волосах — ни ниточки седины. Но кажется, будто старше самой Лотты. Такое горе застыло в мертвых глазах просящей, что старуха то и дело вздрагивает. В жаркий летний день холодом веет от этой неестественно выпрямленной фигуры. Холодом смерти. Потому как пришла просить женщина о том, чтобы к ней в снах перестал являться младенец, которого она сама задушила в голодный год. Долго говорила женщина, перескакивая с одного на другое. Про мужа, который почернел и высох от тяжелой работы, про троих детей, мал мала меньше. И всех надо накормить, напоить. А огород, а скотина? И лето, как назло, выдалось жарким. Почти весь урожай пропал, сгорел от зноя на корню. Как, ну как ей было оставить ребенка? Тут бы старших

уберечь от голодной смерти. Да он и не понял ничего. Только раз вскрикнул и замолчал. Но нет ей с тех пор покоя. Каждую ночь видит она ребенка. Каждую ночь слышит последний жалобный всхлип. Каждую ночь чудится, будто прижимает она к себе его маленькое тельце.

Старуха Лотта покачала головой. Гнала бы она эту женщину прочь. Гнала бы поганой метлой, чтобы дорогу забыла к ним в табор. Для нее не было зверя страшнее, чем мать, убившая собственного ребенка. Но Триша выслушала — и молча склонила голову. Забрала из рук женщины медный грошик, на который та наверняка работала не один месяц. И запыхал в поле жаркий костер, в котором Триша должна была сжечь чужое горе. Замолить своим танцем богов и уговорить их простить несчастную, обезумевшую от угрызений совести мать.

Эх, добра Триша. Плохое это качество для плясуньи. Очень плохое и опасное. Нельзя принимать каждого просящего. Надо уметь отказывать. Бывают наказания, в которые смертным лучше не вмешиваться. Боги жестоки, но справедливы. Да, иногда кара страшнее преступления, но такова воля небес. А Триша хочет сделать весь мир счастливым. Ох, накликает она на себя беду. Каждый танец — это прожитая за чужого жизнь. Если Триша не научится отдыхать, то сгорит раньше времени. Как ее мать. Да, умерла красавица Ася из-за молочной лихорадки, но старая Лотта была уверена: не прицепилась бы к ее дочери эта зараза, если бы та не брала на себя столько чужой беды. Но что уж теперь. Главное — сберечь Тришу. Последняя она плясунья в их таборе. Если не успеет до смерти передать дар, то и табору не жить. Рассеется он, исчезнет. Кто осядет в каком-

нибудь селе, кто уйдет за красивой жизнью в город. А большинство — примкнет к более удачливым соплеменникам, которые сумели сберечь своих плясуний.

Близится к концу танец Триши. Даже отсюда видно, как устала девочка. Все медленнее и медленнее кружится она на углях, и словно тускнеют монетки на ее одежде. Старая Лотта знает: возьми любой грошик, и внучка расскажет, как и от кого, а самое главное — за что она его получила.

Наконец, замерла Триша. Уронила устало руки. Тяжело вздымается грудь, на лбу блестит обильная испарина, а глаза закрыты, подчеркнутые черными кругами изнеможения. И тотчас же встрепенулась просящая. Робко, еще не смея поверить, улыбнулась. Осторожно положила руку на свой живот, словно прикоснулась к хрустальной драгоценной вазе, и о чем-то глубоко задумалась. Лотта опять недовольно цыкнула сквозь зубы. Эх, пропащая! Простили ее все-таки боги, простили за убийство ребенка. А зря, ой как зря. Когда сама Лотта носила под сердцем Асаю — легко ли ей было? Часто ли она ела досыта? Война тогда гуляла по стране. Война шла по ее следам, войну встречала она в сожженных дотла поселках и деревнях. Некому было платить ей за танец. Да и страшно было показать свой дар плясуньи — сколько страждущих кинется тогда, умоляя забрать горе, успокоить сердце, даровать надежду. Ее бы не отпустили с кострища, пока она не сгорела бы заживо, отмаливая чужие грехи. Но и тогда она ни разу не подумала о том, чтобы убить еще не рожденное дитя. Хотя казалось бы — чего уж проще. Выпей особый отвар и избавься от бремени, которое выйдет на следующий день кровавым сгустком.

Это даже нельзя назвать ребенком. И то она устояла перед искушением. Честно носила дочь девять месяцев, питаясь всем, что под руку попадет. Пекла лепешки из лебеды, обдавала кипятком корневища одуванчиков. А зимой не брезговала и мышами, со сноровкой и чутьем лисы вытаскивая их из-под снега.

Лотта покачала головой, отгоняя неприятные воспоминания. Торопливо улыбнулась, увидев, как к ней идет внучка. Девочка едва брела, с невероятным трудом переставляя ноги. И сердце старухи сжалось от боли, когда она увидела, какими жуткими волдырями покрылись нежные ступни ее внучки. Ох, нелегко ей пришлось! Непросто вымолить прощение за такое!

— Эх, Триша, Триша! — буркнула себе под нос Лотта.

И тут же кинулась к ней, заметив, что внучка пошатнулась. Успела подхватить легкое, почти невесомое тело, уберегая от падения на землю. Уложила девочку к себе на колени и принялась легонько поглаживать ее пылающий лоб, пропуская золотые пряди волос между пальцами, узловатыми, скрюченными от старости.

— Не ругайся, бабуля, — чуть слышно шепнула Триша, еще балансируя на зыбкой грани между реальностью и небытием. — Я не могла иначе. Ты не представляешь, какая чернота была в сердце той женщины.

Лотта лишь грустно усмехнулась. Добра ее внучка. Слишком добра. Как бы боги не надумали преподать ей жестокий урок, показывая, что далеко не всех надлежит жалеть. И тут же торопливо поплевала через оба плеча, отгоняя дурные мысли.

А все-таки прекрасной плясуньей выросла Триша! Прошло всего пару лет, а слава о девочке пошла по всей стране. Впрочем, о девочке ли?.. Трише уже пятнадцать. Год-другой — и уберет она под красный платок замужества свои прекрасные длинные волосы. А там, глядишь, и вообще острижет их покороче, чтобы не мешались в хлопотах по хозяйству. Богиня огня Астера не требует для служения себе девственности. Но чем старше становится плясунья — тем реже она всходит на раскаленное кострище. Просить за других можно, лишь когда твое сердце не гложет никакая тревога. Каждый прожитый день увеличивает груз волнений на твоих плечах. Он становится почти невыносимым, когда рождаются собственные дети. И тогда каждый танец может стать последним. Так легко оступиться, испугавшись, что черное крыло чужой беды когда-нибудь накроет и твою семью!

Но все равно старая Лотта продолжала часто ворчать на любимую и единственную внучку. Та беспечно выполняла каждую просьбу, не задумываясь, что платит за них собственной жизнью. Девушка все чаще всходила на кострище с еще не зажившими волдырями. Опасно это, ох, опасно!

И вот очередной город. Очередная главная площадь, куда стягиваются любопытствующие. Лотта знала, что к вечеру она будет заполнена целиком. И их табор получит щедрые подношения, пустив неизменную шапку по кругу. Никто не смеет трогать монеты, подаренные плясунье! Даже в самый плохой и скупой год на них ничего не покупали. Каждый грошик, заработанный танцем, Триша бережно вшивала в свою одежду. Каждый грошик — как напоминание о поцелуях огня.

Но невесела сегодня Триша. Забилась в самую глубь крытой повозки, съежилась на свежем сене, словно пытается укрыться от чего-то. При виде этого сердце старой Лотты забилось вдвое чаще. Что это с ней? Что это с Тришей? Заболела? Обычно она радостным смехом встречала подготовку к очередному свиданию с Астерой, будто не понимала, что рискует остаться в объятиях пламени навсегда. А сейчас мутный страх плещется в ее глазах.

— Приказать, чтобы все отменили? — тихо спросила Лотта, присаживаясь рядом.

— Остальные расстроятся, — чуть слышно отозвалась Триша и сжала с бездумной злостью маленькие остренькие кулачки.

— Пусть! — Лотта пренебрежительно фыркнула. — Ты — плясунья! Ты — сердце табора, его душа! Твое слово — закон для любого! Умрешь ты — погибнет табор. Если чувствуешь дурное, то не танцуй сегодня.

Долго молчала Триша. Так долго, что Лотта решила, что ответа не последует. И встала, здраво рассудив, что и без того поняла решение внучки. Никакого костра сегодня. Плясунья устала. Пусть в табор полетят склизкие от гнили овощи, пусть на них выплеснут ведра с нечистотами. Им не привыкать.

— Нет, я взойду на кострище сегодня, — полетели в спину старой Лотты слова Триши. После чего она негромко вздохнула и добавила так тихо, что бабушка ее не услышала: — Не от огня придет сегодня зло. Увы, не от огня.

Ах, как танцевала сегодня Триша! Словно пришел последний день перед решающей битвой богов, после которой вся земля погрузится в вечный мрак. Как смеялась она, когда под нею вспыхивало

пламя! Как кружилась, будто пыталась оторваться и взмыть в небеса. С каким восторгом принимала ее толпа, разражаясь приветственными криками после каждого удачного поворота! И наблюдая за этим, все мрачнела и мрачнела Лотта. Не чужую — свою беду пыталась заговорить ее внучка. Вот только боги не терпят такого. Накажут они ее за попытку обмануть.

Но не знала старуха, что из окон самой высокой башни графского замка, выходящих на городскую площадь, за ее внучкой следят и другие глаза. По-змеиному холодные, словно полные стылого льда.

Наконец, молодой граф отвернулся от окна. Прищелкнул пальцами — и тотчас же к нему подбежал стражник. Подобострастно склонился в поклоне и замер, ожидая приказаний.

— Хочу, — обронил граф. Кивком указал на далекую площадь, где в лепестках пламени танцевала худенькая девушка, — ее. Привести!

— Но!.. — вскинулся было стражник, омертвев от мысли, что граф собирается сделать.

И ладно бы с любой другой! Сколько раз он приводил графу молодых, полных сил женщин. И сколько раз они выползали из его покоев, оставляя за собой кровавый след. Но то женщины, крестьянки, которые получали достойную плату за жестокие забавы графа. Подумаешь — полежат недельку-другую да оклемаются. Чай, не в первый раз принимают в себя мужское семя. А тут — совсем ребенок еще! Тоненькая, златовласая, то ли девушка, то ли девочка. Граф ведь если не убьет, то навсегда искалечит ее.

Но граф вскинул на стражника взгляд — и тот осекся. Приподнял бровь, удивленный, что надо повторять приказ, — и стражник испуганно попятил-

ся. Затем развернулся и кинулся прочь, торопясь выполнить повеление хозяина.

— Привести! — полетел ему вслед гневный даже не крик — рык разъяренного чудовища. — Немедленно!

Завершила танец Триша. Устало спустилась с кострища, не слыша восторженного рева толпы. Перед глазами мерцала темная завеса смертельной усталости. Но хуже всего: она чувствовала, что вот-вот произойдет нечто страшное. Нет, не удалось ей умиловить богов. Не отказались они от намерения преподать ей какой-то урок. Но какой? И за что?

Лотта поспешила было к внучке, торопясь привычно принять ее в свои объятия, помочь добратся до повозки. Однако в следующее мгновение ее откинуло прочь. Группа хорошо вооруженных людей, одетых в красно-синие одежды графского герба, разрезала толпу, как горячий нож режет масло. И скрылась за их спинами Триша. Только успела жалобно и тоненько крикнуть, пока чья-то рука не закрыла ей рот.

Тихо стало на площади. Стражники исчезли, словно их и не было никогда. А горожане стояли, нерешительно переминаясь и не глядя друг на друга. Не было на этой площади человека, который бы не знал, куда и для чего потащили плясунью. Только пришлые ашары толпились у своих жалких повозок, недоуменно переговариваясь.

— Куда?! — Лотта закричала так, как не кричала даже тогда, когда рожала Асаю. — Триша, куда? Девочка моя, верните мне ее!

— Вернут, — донеслось из толпы стыдливое. — Главное, чтобы после этого сама на себя руки не наложила. А то бывало здесь и такое.

Медленно пустела площадь. А Лотта все сидела прямо на грязной мостовой, в мучительной тревоге заломив руки. И даже ашары не смели ее потревожить.

— Ты... Это... — Остановился перед старухой один из горожан. — Не убивайся сильно. Он заплатит. Он всегда хорошо платит.

И тогда старая Лотта упала. Забилась головой и руками по камням, завывала, словно дикий зверь. Но только ее крик не мог достичь той комнаты, куда привели Тришу. Слишком толстые стены были у графского замка.

Тришу между тем окружила толпа служанок. Девушка пыталась сопротивляться, но что она могла поделать против десятерых дородных женщин, привычных к слезам и мольбам. Ее насильно раздели и выкупали в огромной ванне. Долго умащивали тело ароматнейшим маслом, привезенным из одной далекой восточной страны. Одна капля его — и затянулись свежие волдыри на ступнях, размягчились застарелые мозоли. Затем принесли белоснежное платье из легчайшего шелка. Триша невольно залюбовалась своим отражением в зеркале. Она выглядела сейчас, словно невеста. Золотистые волосы, перехваченные на лбу драгоценной диадемой, ниспадают свободной волной на плечи. Тонкую талию обхватил широкий красный кушак.

— Граф ждет вас, — проговорила одна из служанок. И внезапно Триша уловила в ее глазах влажный блеск жалости к ней. Мгновенно исчезла радость от нового наряда. Девушка помрачнела и сжала кулаки, решив бороться до последнего.

И она боролась. Боролась так отчаянно, что графу пришлось позвать слуг, которые держали ее всю

эту безумно долгую ночь. На следующую ночь он обошелся собственными силами. И лишь на третью ночь граф полностью удовлетворил свои желания, пресытившись молодым телом.

Уходя прочь, он обронил возле девушки, лежащей в беспомощности, кроваво-красный рубин величиной с ноготь. Граф привык считать себя щедрым мужчиной. Упрямецка неплохо развлекла его. Она заслужила этот подарок.

Табор ашар терпеливо ждал возле главных ворот города. На площади им остаться не разрешили, но они не могли никуда уехать, не узнав прежде судьбу своей плясуни. Шатры ставить не стали. Они готовы были в любой момент сорваться с места и никогда больше не приезжать в этот проклятый город. Пусть только вернут им Тришу! Вернут живой или мертвой!

На рассвете третьего дня Лотта, не сомкнувшая глаз все это время, вдруг увидела, как ворота открылись. Из них выехали те же люди, которые украли, утащили ее Тришу. Подъехали к их становищу — и бережно опустили на землю какой-то тюк. Тотчас же развернулись и бросились обратно, нещадно прищпоривая лошадей. Словно опасались, что ашары могут кинуться в погоню. Чудно!

Около непонятого тюка уже суетились люди. Лотта поспешила в ту сторону, но ее ноги, ее распухшие от болезней и возраста ноги, уже не могли быстро бегать. И старуха вполголоса ругалась на себя, на свои года, на свою немощь.

Неожиданно громко вскрикнул чей-то женский голос. И вдруг наступила полная, всеобъемлющая тишина. Ашары испуганно замолчали, разглядывая что-то перед собой.